ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Угрозы и безопасность

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Алексей Игоревич БАЛАШОВ

доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aleksey.i.balashov@gmail.com

История статьи:
Принята 13.05.2015
Одобрена 20.05.2015

УДК 338.245
JEL: H56

Ключевые слова: Вооруженные силы России, боеготовность, сетецентрические боевые действия, оборонно-промышленный комплекс

Аннотация

Тема. Современные угрозы военной безопасности предъявляют новые требования к Вооруженным силам Российской Федерации (ВС РФ), их организационной структуре, технической оснащенности, уровню военного профессионализма и военно-экономическому обеспечению. Между тем накопившиеся негативные тенденции в российской экономике заметно сужают военно-экономические возможности России, актуализируя проблему проведения комплексного анализа военного потенциала и экономических ограничений ВС РФ.

Цели. Целью статьи является анализ потенциала и боеготовности ВС РФ к отражению современных военных угроз, а также экономических ограничений военной безопасности России, связанных с состоянием оборонно-промышленного комплекса (ОПК), военного профессионализма и мобилизационных резервов.

Методология. Методологией исследования послужил структурный анализ вооруженных сил и ОПК, опирающийся на статистические данные и экспертные оценки по реформированию Российской армии и реализации государственных программ вооружений.

Результаты. Полученные результаты позволяют утверждать, что за счет поступления в войска современной боевой экипировки и военной техники, внедрения информационных технологий, модернизированных систем разведки и целеуказания ВС РФ заметно приблизились к современным сетецентрическим вооруженным силам. В то же время незавершенность процесса технического перевооружения и профессионализации личного состава вооруженных сил, являющаяся следствием бюджетных ограничений российской экономики, не позволяет пока говорить о полном соответствии ВС РФ требованиям боевых операций нового типа.

Выводы. По результатам проведенного в настоящей работе исследования даны рекомендации по модернизации российской экономики, усилению экономических, гуманитарных и иных факторов «мягкой силы», формирующих фундамент обеспечения национальных интересов страны в мире.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Введение

Появление с начала 1990-х гг. новых глобальных центров силы, прежде всего Китая, и частичное восстановление в 2000-е гг. российской экономики привели к активизации усилий России по демонтажу постбиполярного миропорядка. Однако требование признания постсоветского пространства сферой исключительных национальных интересов России натолкнулось на консолидированное сопротивление Запада и в первую очередь США. Украинский кризис и связанное с ним продвижение военной инфраструктуры НАТО к границам России обозначили новые угрозы военной безопасности нашей страны.

Глобальное военное противостояние[1] и современные угрозы военной безопасности России предъявляют новые требования к Вооруженным силам Российской Федерации (ВС РФ), их организационной структуре, технической оснащенности, уровню военного профессионализма и военно-экономическому обеспечению. Между тем накопившиеся к 2014 г. негативные тенденции в российской экономике (низкая деловая активность, спад инвестиций, хронический отток капитала за рубеж и др.) заметно сузили военно-экономические возможности России,

[1] *Хрусталёв Е.Ю.* Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 9. С. 2–11.

сделав актуальной проблему комплексного анализа военного потенциала и экономических ограничений ВС РФ.

Целью настоящей статьи является анализ потенциала и боеготовности российских вооруженных сил к отражению современных военных угроз, а также ограничения военной безопасности России, связанные с состоянием оборонно-промышленного комплекса (ОПК), военного профессионализма и мобилизационных резервов.

Характер современных военных действий и новые требования к Вооруженным силам России

Существенные геополитические и технологические сдвиги, произошедшие с момента окончания холодной войны, привели к изменению способов ведения военных действий в современном мире. Бурное развитие технологий, увеличение потоков информации наряду с ростом экономической интеграции и частичным размыванием суверенитета государств на обладание монополией на применение военной силы сделали старые способы войны и классические представления о ней непригодными в новых условиях.

В современных условиях крупномасштабные военные конфликты с участием массовых армий уступили место действиям небольших универсальных и мобильных воинских подразделений. Современные войны, по терминологии У. Линда – «войны четвертого поколения»[2] или, по Э. Тоффлеру, «войны информационной эпохи» [1] – основываются прежде всего на информационном, а не как прежде количественном превосходстве в средствах поражения. В военных конфликтах участвуют высококлассные специалисты (по выражению американских экспертов А. Серебровски и Дж. Гарстки, «новые (компьютерные) операторы» [2]) и применяется высокоточное оружие. Прежние войны на истощение, с их опорой на масштабность и массированность огневого воздействия, уступают место быстротечным военным конфликтам, в которых ставка делается на целенаправленное и точное применение огневой мощи по заранее разведанным целям.

Новое понимание характера современной войны еще в 1995 г. сформулировал Р. Сафрански. *«Война – это комплекс смертоносных и несмертоносных действий, предпринимаемых с целью подавления враждебной воли неприятеля или противника... Цель войны не обязательно заключается в убийстве противника. Цель войны заключается всего лишь в покорении (подчинении) противника»* [3]. Достижение этой цели предполагает подавление воли противника к сопротивлению путем передачи ему сигналов прекратить военные действия. В качестве таких сигналов могут выступать: потеря после кибератак и радиоэлектронного подавления (РЭП) военно-политическим руководством противника контроля над своими войсками на поле боя; деморализация личного состава вооруженных сил оппонента применением беспилотных ударных комплексов либо трансляцией мировыми электронными СМИ сцен казни боевиками политических лидеров и солдат правительственных войск; угроза потери политической элитой противника своих активов на Западе и др. Схожей точки зрения придерживается и российский исследователь академик А.А. Кокошин, обращающий внимание на смещение задач боевых действий с физического уничтожения живой силы и техники противника к подавлению его воли к сопротивлению. В современных условиях радиоэлектронная борьба (РЭБ) превращается из вспомогательного, обеспечивающего средства радиоэлектронного подавления оружия противника в одно из основных средств ведения современной войны – средство дезориентации, дезинформации, снижения реальной боевой эффективности оппонента [4, с. 198–199].

В оперативно-тактическом плане произошедшая на рубеже 1990–2000-х гг. революция в военном деле получила свое теоретическое обоснование в концепции сетецентрической войны (*Network-Centric Warfare, NCW*). Она предполагает создание интегрированной картины поля боя за счет использования информационных источников разных уровней – от индивидуальных сенсоров и микрокомпьютеров солдат до сложных систем боевого управления на командных пунктах обороны страны. Полученная информация обеспечивает современной армии информационное превосходство над противником, позволяя определять с высокой точностью, что происходит на поле боя, и оперативно принимать наиболее эффективные решения. Современные сетецентрические вооруженные силы представляют собой, по выражению А. Серебровски и Дж. Гарстки, *«эффективные силы, имеющие глобальный доступ к достоверной информации тогда и там, где это необходимо»* [2]. Такие ВС состоят из географически расчлененных, но связанных между собой единой информационной сетью «сенсоров»

[2] *Lind W.L.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. October, 1989. P. 22–26.

(всеобъемлющей системы разведки), «стрелков» (различных средств огневого поражения), а также «штабов и тылов», ответственных за принятие решений и их поддержку. При этом новая парадигма вооруженной борьбы ставит на первое место не столько столкновение боевых подразделений на поле боя, сколько дезорганизацию управления государством, разрушение экономики и транспорта, лишение вооруженных сил противника тыловой инфраструктуры, а следовательно, и возможностей продолжения вооруженной борьбы.

Изменения претерпевает и социально-культурный аспект военного дела, определяющий границы приемлемого в военной сфере. Вследствие широкой доступности и открытости средств массовой информации война постепенно теряет свою легитимность в мировом общественном сознании, и правительствам становится все сложнее обеспечивать поддержку собственных действий в таких условиях [5]. Регулярной армии на современном этапе все чаще противостоят паравоенные формирования (ополченцы, партизаны, боевики). При этом на стороне правительственных войск также присутствуют добровольческие военные формирования, военные советники и персонал частных военных компаний, степень подчиненности которых армейскому командованию носит весьма условный характер. Современные военные конфликты характеризуются отсутствием четкого разграничения между фронтом и тылом, между комбатантами и некомбатантами, «законными» и «незаконными» мишенями, что создает дополнительные трудности в применении норм международного гуманитарного права.

Изменившийся характер военных действий в мире меняет взгляды военно-политического руководства России на теорию и практику вооруженной борьбы, а также на стратегические приоритеты военной политики. Текущая редакция Военной доктрины России[3] в отличие от прежней[4] называет в качестве основных угроз национальной безопасности страны расширение военной инфраструктуры НАТО на восток и потенциальную опасность внутреннего вооруженного конфликта, характер которого в открытой редакции военной доктрины не раскрывается. В условиях приближения военной инфраструктуры НАТО к жизненным центрам России Военная доктрина, помимо развития сил ядерного сдерживания (СЯС), ставит задачу качественного усиления сил общего назначения (СОН) – воздушно-космических сил, военно-морского флота (ВМФ) и сухопутных войск, способных к ведению современных сетецентрических боевых действий.

Модернизация системы управления и оформление нового облика российских сил общего назначения

Содержанием модернизации ВС РФ, начавшейся в 2008 г. и продолжающейся в настоящее время, является переход российских вооруженных сил от мобилизационной армии, ориентированной на войну высокой интенсивности, к компактным вооруженным силам, нацеленным на участие в военных конфликтах низкой и средней интенсивности. Основными компонентами модернизации являются: реорганизация системы военного управления; трансформация организационно-штатных структур; изменение системы комплектования и подготовки войск; начавшееся перевооружение ВС РФ на новую технику; изменение экономической модели взаимоотношений с ОПК [6–9].

Реорганизация системы военного управления выразилась в переходе от четырехзвенной системы управления войсками к более компактной, трехзвенной. Существовавшие до 2010 г. шесть военных округов (ВО) были переформированы в четыре, ставшие, по сути, оперативно-стратегическими командованиями (ОСК), объединяющими межвидовые группировки сил оперативного назначения по частям света. В конце 2014 г. на базе Северного флота был создан пятый военный округ – ОСК «Север». Пока не получили своего организационного решения предложения по созданию объединенных командований силами ядерного сдерживания и оперативными перевозками (ОСК ОП) [10, с. 36].

В сухопутных войсках (СВ) на месте расформированных кадровых дивизий было развернуто 85 общевойсковых и специальных бригад, полностью укомплектованных личным составом и военной техникой. По итогам оперативно-стратегических учений «Восток-2010» было принято решение о постепенном переформировании бригад СВ на однотипные тяжелые (на гусеничных боевых машинах), средние (на колесных многофункциональных боевых машинах) и легкие (на легких бронированных машинах) бригады. Проведенные в течение 2013 г. проверки войск Центрального, Южного и Восточного военных округов наряду с возросшей

[3] Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ от 25.12.2014 № 2976-Пр.

[4] О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.02.2010 № 146.

тактической подготовленностью частей российской армии выявили и серьезные недостатки в оснащении и управлении войсками – слабые навыки доведения команд по автоматизированным системам боевого управления (АСБУ), большой процент устаревшей военной техники, сложности с переброской бригад СВ с одного оперативного направления на другое.

За последующий год министру обороны РФ С.К. Шойгу удалось устранить по крайней мере часть выявленных недостатков. Уже в феврале 2014 г. в ходе крымской кампании Министерству обороны РФ (МО РФ) всего за сутки с небольшим удалось осуществить скрытую переброску и оперативное развертывание на российско-украинской границе 40-тысячной армейской группировки [9]. Прошедшие в сентябре 2014 г. крупнейшие в постсоветский период стратегические командно-штабные учения «Восток-2014» продемонстрировали возросший уровень подготовленности и оснащенности личного состава, повысившиеся огневые, ударные и маневровые возможности частей и соединений, новое качество управления межвидовыми группировками войск.

С конца 2014 г. в российскую армию начали поступать первые комплекты современной боевой экипировки «Ратник-2», новые основные автоматы АК-12, экспериментальные образцы новейших основных танков Т-14 «Армата» и тяжелых боевых машин пехоты (БМП) Т-15. Завершается разработка новых средних БМП «Курганец-25», гусеничных и колесных бронетранспортеров (БРТ), бронеавтомобилей «Тайфун» и ряда других машин, которые должны принципиально изменить облик российских СОН. Рассчитанные на ведение сетецентрических боевых действий новые боевые машины оснащаются программно-техническими комплексами, позволяющими экипажам видеть всю оперативно-тактическую обстановку в режиме онлайн, взаимодействовать с пунктами управления, РЭБ, разведки и огневого поражения в единой АСБУ. Интегрировать все существующие в стране ведомственные системы управления и мониторинга безопасности и обороны позволяет открытый в декабре 2014 г. в Москве Национальный центр управления обороной государства.

Наиболее высокомобильной, готовой к постоянному применению частью современных сетецентрических вооруженных сил являются войска быстрого реагирования (ВБР), о создании которых на базе Командования воздушно-десантных войск (ВДВ) было объявлено в августе 2014 г. ВБР должны объединить ВДВ, морскую пехоту, миротворческие и горные бригады, а также силы специальных операций (ССО). При условии полной укомплектованности и оснащенности частей и соединений ВБР в распоряжении военно-политического руководства страны оказывается компактная (до 100 тыс. военнослужащих), профессиональная и обладающая высоким боевым потенциалом войсковая группировка. Создание Россией ВБР и ССО, отвечающих современным вызовам, дает военно-политическому руководству страны эффективный инструмент для решения нового класса военных и квазивоенных задач на постсоветском пространстве.

Основу современных высокотехнологичных СОН составляют ВВС и ВМФ, в части боеготовности которых Россия, к сожалению, демонстрирует значительно меньшие успехи.

Превращение российских ВВС в современный боеготовый вид вооруженных сил в настоящее время сдерживают темпы поступления в войска новой техники. Авиационный парк российской фронтовой авиации представлен в основном самолетами советской разработки, часть из которых медленно заменяется модифицированными версиями. Среди них истребители четвертого поколения МиГ-29 и Су-27, модернизированные Су-27СМ и Су-30СМ, истребители-перехватчики МиГ-31, МиГ-31БМ и Су-35С, фронтовые бомбардировщики Су-24 и идущие им на замену Су-34, штурмовики Су-25[5]. Поступление в ВВС истребителей пятого поколения Т-50 ПАК ФА ожидается не раньше 2018 г.

В составе подводных сил ВМФ России в строю насчитывается около 50 подводных лодок и глубоководных аппаратов военного назначения, подавляющее число которых к настоящему времени изношено и требует замены. В рамках масштабного перевооружения подводные силы к 2020 г. должны получить 8 ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН) четвертого поколения проекта 955 и 955А «Борей», такое же количество атомных подводных лодок с крылатыми ракетами (ПЛАРК) обновленного проекта 885М «Ясень», 6 дизель-электрических подводных лодок (ДЭПЛ) проекта 636.3 «Варшавянка», а также обновленный вариант ДЭПЛ проекта 677 «Лада» с новой энергетической установкой[6]. Обновление надводного состава ВМФ России связано с

[5] *Барабанов М.* Куда летит российская авиация? // КоммерсантЪ – Власть. 25.08.2008. № 33. С. 62.

[6] *Рябов К.* Подводные лодки ВМФ России. URL: http://army-news.ru/2014/09/podvodnye-lodki-vmf-rossii.

серийным строительством до 2020 г. перспективных сторожевых кораблей проекта 22350 (фрегат) и проекта 20380/20385 (корвет) и проектированием перспективного эсминца проекта «Лидер». Основу корабельного состава десантных сил флота должно составить серийное строительство больших десантных кораблей (БДК) проекта 11711 «Иван Грен», а также планируемое в настоящее время российской судостроительной промышленностью строительство кораблей-вертолетоносцев для загоризонтной высадки десанта[7]. Однако очевидно, что для обеспечения боевой устойчивости ВМФ России запланированных к постройке в рамках Государственной программы вооружения до 2020 г. 8 фрегатов и 20 корветов будет недостаточно, а поступление на флот новых кораблей 1-го и 2-го ранга ожидается не ранее 2025 г.

Таким образом, в области развития СОН российская армия по-прежнему серьезно отстает от вооруженных сил США и ЕС.

Анализ потенциала сил ядерного сдерживания

В условиях существенного ослабления боевого потенциала СОН Россия в обеспечении своей военной безопасности увеличивает опору на силы ядерного сдерживания (СЯС). Основной упор традиционно делается на наземную составляющую «ядерной триады» – ракетные войска стратегического назначения (РВСН). В состав РВСН входят три ракетные армии: 27-я и 33-я гвардейские и 31-я – всего 12 ракетных дивизий, на вооружении которых находится в общей сложности около 400 ракетных комплексов шахтного и мобильного базирования с развернутыми на них 360 ед. межконтинентальных баллистических ракет (МБР), несущих 1 200 ядерных боезарядов (ЯБЗ). До 96% этой ударной группировки находится в готовности к немедленному применению[8].

Значительную часть потенциала глубокого ответного удара, благодаря высокой скрытности действий при нахождении в море и повышенной живучести, формируют морские стратегические ядерные силы (МСЯС). На конец 2014 г. МСЯС России насчитывали 12 РПКСН: два – проекта 667БДР «Кальмар», шесть – проекта 667БДРМ «Дельфин», один – проекта 941У «Акула» и три – проекта 955 «Борей», несущих 144 развернутые БРПЛ с размещенными на них более 400 ЯБЗ[9]. Слабыми сторонами МСЯС России являются уязвимость РПКСН при нахождении в пунктах базирования, низкая надежность доведения приказов в подводном положении, а также меньшая по сравнению с ВМФ США боевая устойчивость по причине слабости морского потенциала СОН.

Наиболее гибким средством ядерного сдерживания считается дальняя авиация, которая на конец 2014 г. насчитывала в боевом составе ВВС России 66 тяжелых бомбардировщиков (11 Ту-160 и 55 Ту-95МС), базирующихся на авиабазах в г. Энгельс Саратовской области и п. Украинка Амурской области[10].

В настоящее время СЯС России по своим боевым возможностям сохраняют баланс со стратегическими наступательными силами США. На 1 сентября 2014 г. в составе СЯС России насчитывалось 911 единиц стратегических наступательных вооружений, из них 528 развернутых носителей с 1 643 ЯБЗ. США на ту же дату располагали 912 единицами стратегических наступательных вооружений, из которых 784 были развернутыми носителями с засчитываемыми за ними 1 642 ЯБЗ[11].

К 2020 г. по причине вывода из эксплуатации старых МБР и их носителей России для сохранения стратегического баланса придется фактически полностью перевооружить свою ядерную триаду. Основу сухопутной группировки СЯС России вместо РТ-2ПМ «Тополь» и РС-20 «Воевода» должны будут составить МБР РС-24 «Ярс» шахтного и грунтово-мобильного базирования, а также новая тяжелая ракета типа РС-28 «Сармат». Испытывается новый подвижный грунтовый ракетный комплекс РС-26 «Рубеж» («Авангард») с твердотопливной ракетой 5-го поколения, оснащенной не менее чем четырьмя ЯБЗ. Воссоздаются боевые железнодорожные ракетные комплексы «Баргузин», характеризующиеся повышенной мобильностью и сложностью обнаружения их из космоса. Ядро МСЯС составят новые РПКСН проекта «Борей», вооруженные 16 твердотопливными баллистическими ракетами Р-30 «Булава». Первые три РПКСН проекта «Борей» уже стоят на боевом дежурстве в составе ВМФ России. В стадии постройки находятся еще три подлодки модернизированного проекта 955А. В

[7] *Богданов К.* «Большой флот» за горизонтом. URL: http://army-news.ru/2015/01/bolshoj-flot-za-gorizontom.

[8] *Есин В.* Носители мира: стратегические ядерные силы. URL: http://army-news.ru/2015/02/nositeli-mira-strategicheskie-yadernye-sily.

[9] *Есин В.* Носители мира: стратегические ядерные силы. URL: http://army-news.ru/2015/02/nositeli-mira-strategicheskie-yadernye-sily.

[10] Там же.

[11] Там же.

стратегической авиации поступление на вооружение нового перспективного авиационного комплекса дальней авиации (ПАК ДА), оснащенного крылатыми ракетами воздушного базирования Х-101/102, произойдет не раньше 2025 г. До этого времени ДА придется обходиться бомбардировщиками-ракетоносцами Ту-95 и Ту-160, которые в настоящее время модернизируются.

Угрозой стратегической стабильности является развитие американских оборонительных вооружений – системы противоракетной обороны (ПРО). Развертывание в Европе противоракет США, способных перехватывать на активном участке траектории полета российские баллистические ракеты, модернизация наземной системы предупреждения о ракетном нападении и развитие космической компоненты ПРО позволят США полностью контролировать ракетные запуски в северном полушарии. Для обеспечения надежного ядерного сдерживания Россия помимо модернизации СЯС вынуждена наращивать собственные стратегические оборонительные вооружения, развертывая систему ВКО, на которую в рамках Государственной программы вооружения до 2020 г. планируется потратить до 20% бюджетных ассигнований.

Таким образом, приходится констатировать признаки новой гонки наступательных и оборонительных вооружений России и США при несопоставимом экономическом потенциале и на фоне начавшегося спада российской экономики.

Экономические ограничения военной безопасности России

Выполнение планов военно-политического руководства по модернизации СОН, а также стратегических наступательных и оборонительных вооружений напрямую зависит от бюджетных возможностей российской экономики, состояния ОПК, уровня военного профессионализма и состояния мобилизационных резервов.

В настоящее время Россия занимает 3-е место в мире по уровню военных расходов: по абсолютной величине военных расходов (87,8 млрд долл. в 2013 г.) и их весе в мировых военных расходах (5%) – после США и КНР (640 млрд долл. и 37% от мировых военных расходов, и 188 млрд долл. и 11% соответственно). По доле военных расходов в ВВП страны (4,1%) – также 3-е место после саудовских монархий (9,3% у Саудовской Аравии и 4,7% у ОАЭ)[12]. В условиях текущего экономического спада дальнейшее наращивание военных расходов в мирное время чревато негативными последствиями для экономики и социальной сферы страны.

Ухудшение экономического положения страны в 2014 г. и секвестр бюджетных расходов ставят под сомнение возможность финансирования в запланированном объеме (20,7 трлн руб. до 2020 г.) принятой в конце 2011 г. Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020). Можно уверенно прогнозировать, что нынешняя государственная программа перевооружения, так же как и предыдущие (ГПВ-2000, ГПВ-2010 и ГПВ-2015), не будет выполнена, а подвергнется корректировке через растягивание сроков намеченного производства вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) в рамках следующей ГПВ 2015–2025 гг.

Количество и сроки внедрения нового ВВСТ, запланированного ГПВ-2020, не соответствуют возможностям российского ОПК, который в настоящее время характеризуется изношенностью основных производственных фондов до 70%, низкой (менее 20%) долей в его структуре нового оборудования, а также дефицитом квалифицированных инженерно-конструкторских и рабочих кадров [11, с. 27]. Негативно сказываются на сроках создания и стоимости российского вооружения неэффективность взаимодействия между МО РФ и предприятиями ОПК, сбои в поставках комплектующих предприятиями-смежниками, отсутствие кооперации между производственными и проектными организациями, а также мелкосерийность оборонного заказа, являющаяся оборотной стороной существующей в ВС РФ многотипности систем вооружений.

Научно-технологический задел отечественного ОПК, созданный в советский период, практически исчерпан. Из 10 важнейших технологических направлений, имеющих решающее значение для обеспечения современного уровня выпускаемого ВВСТ, Россия сохраняет конкурентоспособность только по двум (ядерным и лазерным технологиям) [12, с. 6]. По микроэлектронике, технологиям снижения заметности, современным броневым материалам, оптико-электронным системам, обеспечивающим применение высокоточного оружия, а также высокотехнологичному станочному оборудованию российский ОПК сильно зависит от

[12] SIPRI Military Expenditure Database. URL: http://sipri.org/research/armaments/milex/milex_database.

импортных поставок. Эмбарго, введенное Западом в 2014 г. на поставки комплектующих и оборудования военного назначения в Россию, уже вызвало сбой в выполнении ГПВ-2020. Так, из-за прекращения поставок энергетических судовых установок из Украины и Германии сорванной оказалась программа строительства надводных кораблей для ВМФ РФ.

Изменившийся характер военных действий требует перехода ВС РФ на принципиально новый уровень комплектования и подготовки личного состава, а также модернизации резервного компонента. Новейшая военная техника и условия проведения боевых операций нового типа предполагают существенное повышение профессионализма военнослужащих, без которого самая совершенная дорогостоящая техника оказывается неэффективной. По планам российского руководства, к 2020 г. ВС РФ должны стать на 80% профессиональными. При штатной численности ВС РФ в 1 млн военнослужащих личный состав российской армии должен будет насчитывать 225 тыс. офицеров, 60 тыс. прапорщиков и мичманов, 500 тыс. профессиональных солдат и сержантов и около 200 тыс. солдат-срочников [10, с. 39].

В настоящее время в ВС РФ насчитывается лишь 300 тыс. солдат и сержантов – контрактников и 276 тыс. военнослужащих-срочников[13]. Текущий недокомплект личного состава насчитывает не менее 125 тыс. чел., в первую очередь среди подготовленных младших командиров и военных специалистов, которые не мотивированы на долговременную контрактную службу по причине бытовой неустроенности. К сожалению, накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих (военная ипотека) не стимулирует продолжение военной карьеры. В большинстве армейских соединений военнослужащие-контрактники по-прежнему живут в казармах, что делает невозможным в таких условиях обзаведение семьей. Строительство служебного жилья и общежитий кубрикового типа явно запаздывает (потребность в нем составляет порядка 171 тыс. квартир и 80 тыс. комнат, требующих до 2017 г. бюджетных ассигнований в размере 380 млрд руб.)[14].

Демографический провал 1990-х гг. и изменение ценностных ориентиров россиян привели к тому, что ВС РФ испытывают все возрастающие трудности с набором качественного пополнения и на срочную военную службу. Более половины молодых россиян имеют отсрочки от призыва (большая часть из них – по причине обучения в вузах), еще около 200 тыс. чел. уклоняются от призыва на военную службу. Среди наиболее ценного для современной высокотехнологичной армии контингента – поступающих ежегодно в российские вузы 550 тыс. юношей – только 10% проходят затем срочную службу в войсках. Существующие при гражданских вузах 72 военные кафедры и военно-учебных центра обеспечивают получение военной подготовки менее 7% студентов. Запускаемый в настоящее время новый механизм прохождения военной службы по призыву студентами, предполагающий получение с 2015 г. военной подготовки всеми студентами, пригодными по состоянию здоровья, в межвузовских центрах подготовки мобилизационного резерва[15], позволяет подготовить до некоторой степени обученный мобилизационный контингент, хотя, безусловно, не решает задачи комплектования частей постоянной боеготовности военными профессионалами. Открытым остается также вопрос организации действующего (постоянного) резерва, сформированного из обученных резервистов, добровольно принимающих на себя обязанности регулярного повышения своих боевых навыков на военных сборах при сохранении за ними основного места работы в гражданской экономике. Исходя из прогноза военных угроз России, для комплектования развертываемых воинских частей и соединений требуется не менее 500 тыс. обученных солдат и сержантов, состоящих в действующем резерве[16].

Выводы

Россия обладает достаточным военным потенциалом, позволяющим ей обеспечивать свои национальные интересы на большей части постсоветского пространства. В результате реформирования своих вооруженных сил после 2008 г. нашей стране удалось создать 10–15 относительно боеготовых соединений, способных обеспечить победу в локальном военном конфликте по периметру российских границ.

[13] *Ищенко С.* Скрытые резервы министра обороны С. Шойгу. URL: http://army-news.ru/2015/04/skrytye-rezervy-ministra-oborony-s-shojgu.

[14] *Мухин В.* Каждый шестой контрактник уволился из армии в минувшем году. URL: http://ng.ru/armies/2013-11-08/1_army.html.

[15] О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 25 и 61 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон от 21.07.2014 № 246-ФЗ.

[16] *Ищенко С.* Скрытые резервы министра обороны С. Шойгу. URL: http://army-news.ru/2015/04/skrytye-rezervy-ministra-oborony-s-shojgu.

За счет поступления в части постоянной боеготовности современной боевой экипировки и военной техники, внедрения информационных технологий и модернизации систем разведки и целеуказания ВС РФ удалось заметно приблизиться к образу современных сетецентрических вооруженных сил. В то же время незавершенность процесса технического перевооружения и нерешенность вопроса с профессионализацией рядового и сержантского состава пока не позволяют говорить о полном соответствии российских вооруженных сил требованиям боевых операций нового типа.

Без мобилизационного развертывания современная российская армия в состоянии участвовать лишь в локальных вооруженных конфликтах. К региональной, а тем более к крупномасштабной неядерной войне в существующем виде российская армия по силам общего назначения не готова. Процесс накопления материальных мобилизационных ресурсов, а также создания подготовленных и обученных людских мобилизационных резервов для ВС РФ находится пока лишь в самом начале.

Слабость СОН вынуждает Россию при защите своих национальных интересов применять тактику «гибридной» войны, в которой акцент в военном противоборстве смещается в сторону широкого применения политических, экономических, информационных, гуманитарных и других невоенных мер, дополняемых военными мероприятиями скрытого характера, в том числе реализацией мероприятий информационного противоборства и специальных операций.

Военное усиление не может компенсировать слабости других факторов силы. Чтобы остаться великой и суверенной державой, России необходимо модернизировать и диверсифицировать свою экономику, нарастить гуманитарные и иные факторы «мягкой силы», формирующие фундамент обеспечения национальной безопасности страны.

Список литературы

1. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига. 2005. 412 с.
2. *Cebrowski A., Garstka J.* Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // Proceedings, January 1998. P. 28–35.
3. *Szafranski R.A.* Theory of Information Warfare. Preparing For 2020 // Air Power Journal. 1995. Vol. 9. № 1. P. 56–65.
4. *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Высшая школа экономики, 2013. 264 с.
5. *Gray C.* Recognizing and Understanding Revolutionary Change In Warfare: The Sovereignty of Context. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, US Army War College. 2006.
6. *Баев П.* Траектория военной реформы в России // Pro et Contra. 2012. Т. 4-5 (56). С. 171–184.
7. *Балашов А.И.* Российская армия: смена модели // Мир России. 2014. № 4. С. 148–177.
8. *Болтенков Д.Е., Гайдай А.М., Карнаухов А.А.* Новая российская армия / под ред. М.С. Барабанова. М.: Центр АСТ, 2010. 168 с.
9. *Гольц А.* Реформа, прерванная на полпути // Отечественные записки. 2014. № 3 (60). С. 86–97.
10. *Арбатов А.Г., Дворкин В.З.* Военная реформа России: состояние и перспективы. М.: Московский центр Карнеги, 2013. 79 с.
11. *Карлик А.Е., Фонтанель Ж., Щербинин А.В*. Перспективы развития российского оборонно-промышленного комплекса // Экономическое возрождение России. 2012. № 33. С. 24–29.
12. *Хорев В.П., Горева О.Е.* Состояние и тенденции развития финансово-экономического блока Вооруженных Сил РФ // Армия и общество. 2013. № 3 (35). С. 65–71.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Threats and Security

MILITARY CAPABILITIES AND ECONOMIC CONSTRAINTS OF THE RUSSIAN ARMY

Aleksei I. BALASHOV

St. Petersburg School of Economics and Management, National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation
aleksey.i.balashov@gmail.com

Article history:
Received 13 May 2015
Accepted 20 May 2015

JEL classification: H56

Keywords: Armed Forces, Russia, combat readiness, network-centric military operations, military-industrial complex

Abstract
Importance Modern threats to military security shape new requirements to the Armed Forces of the Russian Federation, their organizational structure, technical equipment, military professionalism and military and economic basis. Meanwhile, accumulated negative trends in the Russian economy substantially cut Russia's military and economic capabilities, thereby necessitating a comprehensive analysis of the military potential and economic constraints of the Armed Forces of the Russian Federation.
Objectives The research aims at analyzing the potential and combat readiness of the Armed Forces of the Russian Federation to repel contemporary military threats and tackle economic constraints of the Russian military security arising from the state of the military-industrial complex, military professionalism and mobilization reserves.
Methods The methodology constitutes a structural analysis of the Armed Forces and the military-defense complex and relies upon statistical data and expert judgments on the Russian Army reform and implementation of the State armament programs.
Results As the research shows, after the Armed Forces have received new combat gear and military equipment, implemented IT and modernized reconnaissance and target market systems, the Armed Forces of the Russian Federation significantly approached the standard of network-centric armed forces. However, the Armed Forces of the Russian Federation have not yet reached full compliance with requirements of new military operations due to pending technological retrofitting and professional advancement of the Armed Forces personnel as a result of budgetary restrictions of the Russian economy.
Conclusions and Relevance Following the research, I provide my recommendations for modernizing the Russian economy, strengthening economic, humanitarian and other factors of *soft power* that lay the basis for ensuring the national interests worldwide.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Toffler A., Toffler H. *Voina i antivoina. Chto takoe voina i kak s nei borot'sya. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka* [War and Anti-war. Survival at the Dawn of the 21st Century]. Moscow, AST Tranzitkniga Publ., 2005, 412 p.
2. Cebrowski A., Garstka J. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future. *Proceedings*, 1998, January, pp. 28–35.
3. Szafranski R.A. Theory of Information Warfare. Preparing For 2020. *Air Power Journal*, 1995, vol. 9, no. 1, pp. 56–65.
4. Kokoshin A.A. *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Issues of military politics and military strategy in Russia's national security and international security]. Moscow, HSE Publ., 2013, 264 p.
5. Gray C. Recognizing and Understanding Revolutionary Change in Warfare: the Sovereignty of Context. Carlisle Barracks, PA, Strategic Studies Institute, US Army War College, 2006.
6. Baev P. Traektoriya voennoi reformy v Rossii [Trajectory of the military reform in Russia]. *Pro et Contra*, 2012, vol. 4-5, pp. 171–184.
7. Balashov A.I. Rossiiskaya armiya: smena modeli [The Russian Army: the changing pattern]. *Mir Rossii = World of Russia*, 2014, no. 4, pp. 148–177.

8. Boltenkov D.E., Gaidai A.M., Karnaukhov A.A. *Novaya rossiiskaya armiya* [New Russian Army]. Moscow, Tsentr AST Publ., 2010, 168 p.

9. Gol'ts A. Reforma, prervannaya na polputi [A reform cut short half way through]. *Otechestvennye zapiski = Notes of the Fatherland*, 2014, no. 3, pp. 86–97.

10. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. *Voennaya reforma Rossii: sostoyanie i perspektivy* [Military reform in Russia: the state and perspectives]. Moscow, Carnegie Moscow Center Publ., 2013, 79 p.

11. Karlik A.E., Fontanel J., Shcherbinin A.V. Perspektivy razvitiya rossiiskogo oboronno-promyshlennogo kompleksa [Prospects for developing the Russian military-industrial complex]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2012, no. 33, pp. 24–29.

12. Khorev V.P., Goreva O.E. Sostoyanie i tendentsii razvitiya finansovo-ekonomicheskogo bloka Vooruzhennykh Sil RF [The state and trends in developing the financial and economic block of the RF Armed Forces]. *Armiya i obshchestvo = The Army and Society*, 2013, no. 3, pp. 65–71.